

Вдова Солженицына: «Он только одного боялся - не успеть задуманное»

И первый арест - ещё в 1945 г., и освобождение в 1953-м, и реабилитация в 1957-м - всё приходилось на февраль. И выслали его из СССР в 1974 г. опять-таки в начале февраля. Долгие 20 лет Солженицын прожил в изгнании, при жесточайшей самодисциплине. Он работал без отпусков и выходных. Как вспоминает супруга писателя Наталья Дмитриевна Солженицына, Александру Исаевичу как воздух были необходимы две вещи - свет и тишина. А на все остальные трудности он просто не обращал внимания. Жизнь на двоих «АиФ»: - Наталья Дмитриевна, считается, что талант в обыденной жизни непереносим. А вам как жилось с глубищей по имени Александр Солженицын? А.С.: - Мне кажется, нам друг с другом повезло. Мы не просто жили рядом - мы вместе проживали одну жизнь на двоих. 40 лет под одной крышей. Полно, горячо и - органично. Хотя наша жизнь была трудная, далёкая от идиллии, в ней бывали и очень тяжёлые моменты, но не в отношениях друг с другом. С Александром Исаевичем нетрудно было жить, если, конечно, принимать эту его одержимость работой. Да мне и в голову не приходило предложить ему вместо работы в гости или в кино сходить. И в быту он был человек лёгкий, абсолютно непритязательный - в еде, одежде. Лишь две вещи были ему страшно важны. Первое - тишина. Мальчики знали, что до часу дня они не могли, к примеру, играть в баскетбол, потому что мяч стучит, мешает. Александр Исаевич писал всегда по утрам, а после обеда читал и готовился к следующему дню. И второе - свет. Чтобы в кабинете, где он работает, обязательно было светло. А вот для меня (смеётся) большой проблемой была его морозоустойчивость. Я холод не люблю, а Солженицын - наоборот. Его в молодости звали моржом, потому что никогда не носил пальто и шапку. И спал всегда с настежь открытым окном. Но такого рода проблемы лишь давали повод к взаимным ласковым насмешкам. «АиФ»: - Александр Исаевич был строгим отцом? Ведь вырастить троих мальчишек - непростая задача. А.С.: - Слава Богу, сыновьями и он, и я были довольны. Именно дети стали оправданием, благословением нашего брака (ведь и у Александра Исаевича, и у меня этот брак второй). А отец - да, он был строгий. Солженицын с женой «АиФ»: - Порол? А.С.: - Один раз стукнул. Достал из брюк ремень и сыпанул Ермолаю, старшему, - ему тогда было четыре с половиной года. Во время тихого часа старшие мальчишки раздёргали подгузник младшего, и весь пол оказался усыпан белыми лохмотьями. А мы только убрались в доме. Понимаете, у нас всегда было огромное количество работы, и моменты, когда приходилось отвлекаться от главного на какие-то мелочи, вызывали у Александра Исаевича гнев. Вот он и достал ремень... А я ему сказала: «Ещё раз ударишь - разведусь». Больше этого никогда не было. В чём проявлялась его строгость? Александр Исаевич очень боялся, как бы дети не выросли праздными, избалованными. Когда мы жили в Швейцарии, у нас работала русская няня - она приходила на несколько часов в день погулять с мальчиками. Екатерина Павловна была из русской эмиграции первой волны, одинокая старушка. Мальчишек она полюбила самозабвенно и каждый раз приносила им какую-нибудь игрушку, стараясь незаметно проскользнуть с нею в дом. Потому что Солженицын, боясь, что эти постоянные подарки разбалуют детей, ругался: «Да у них уже целое море игрушек! Они хрустят ими!» Но довольно скоро успокоился, потому что увидел: дети растут работающими. Они рано пристрастились к чтению и очень рано начали нам помогать.

А вот о том, что их отец знаменит, они узнали довольно поздно. Мы их от этого берегли и сами ничего не говорили. Но как-то младший сын, придя из школы, спросил бабушку: «Говорят, папа наш знаменит?» «АиФ»: - Известность отца на детях как-то отразилась? А.С.: - Косвенно и не всегда положительно. Когда террористы взорвали в Бейруте американскую казарму и там погибли американские солдаты, то Стёпу, младшего, в школьном автобусе избили. «Ты коммунист, - кричали ему. - Вот ваши коммунисты наших солдат и взорвали!» Я тогда позвала в гости старшего брата одного из мальчишков, который участвовал в избиении, и объяснила, что мы никак не коммунисты, напротив: коммунисты нас и выгнали из страны. Больше Стёпу не били. Боялся не успеть «АиФ»: - И Галина Вишневская, и Щедрин с Плисецкой признавались в интервью «АиФ»: в их жизни и днём, и ночью присутствовали агенты КГБ, которые отслеживали каждый их шаг. А.С.: - В нашей жизни этого тоже было с избытком. А в последние год-полтора перед высылкой они ещё и очень явно демонстрировали своё присутствие. Часто сидели на подоконнике на лестничной клетке этажом выше нашей квартиры. «Топтуны» почти всегда дежурили в подъезде. Иногда вели себя вежливо, иногда - нагло. Это было психологическое давление на нас. А я... Знаете, у меня тогда было такое лихое чувство, что единственная защита - это атака. Конечно, я КГБ не атаковала, но совершенно не боялась. И дети наши стали таким своеобразным ответом: на нас давят, а мы рожаем ещё одного мальчишку и ещё одного. Хотя нет - страх был: и за детей, и за друзей, за тех, кто помогал Александру Исаевичу. А таких было очень много, он посвятил им целую часть в книге «Бодался телёнок с дубом» - «Невидимки». У Солженицына же был единственный - самый сильный - страх: что он не успеет сделать всё задуманное. Над ним всегда довлела ранняя смерть отца - он погиб в 26 лет от случайного выстрела на охоте - в 1918-м, ещё до рождения сына (мать Александра Исаевича тогда была беременна им). И Александр Исаевич из-за этого всю жизнь ненавидел охоту. «АиФ»: - В юности Александр Исаевич хотел стать актёром. Было такое? А.С.: - Было, он даже в 1935 г. сдал экзамены в

Театральную студию при местном драматическом театре, которую в Ростове открыл сосланный туда великий режиссёр Завадский. Александр Исаевич поступал одновременно на физмат Ростовского университета (туда он подал диплом об окончании десятилетки) и к Завадскому - по диплому об окончании 7-го класса (такое в те годы допускалось). Все туры он прекрасно прошёл, но Завадский заподозрил какие-то нелады с голосом. Подозвал Солженицына к окну и сказал: «Видишь, по той стороне улицы идёт парень? Представь, что это твой друг. Крикни изо всех сил, чтобы он тебя услышал». Солженицын крикнул - и дал петуха. Тогда велели справку от врача принести. Тут-то и выяснилось, что у Александра Исаевича постоянный катар верхних дыхательных путей, о котором он не знал и который грозил временами полной потерей голоса. Так что стать актёром ему не пришлось. «АиФ»: - Удивительно - как человек совместил в себе одновременно и физика, и лирика... А.С.: - При этом математика его спасла в жизни, и не раз. А в ссылке - бывшего заключённого, будь он историк или литератор, никогда не допустили бы до школы. А математика и физика - не идеологические предметы, к тому же в том казахском селении учителей не хватало. Александру Исаевичу дали сразу два 10-х класса - и он преподавал упоённо. Он вообще был замечательный педагог, преподавал в течение жизни в четырёх школах, а последние, с кем он занимался, были наши сыновья - в домашней школе он самым серьёзным образом прошёл с ними алгебру, геометрию, тригонометрию и физику. «АиФ»: - Когда начали рассекречивать архивы, вы смогли взглянуть на заведённое на Солженицына дело? А.С.: - Да. Но показали нам только дело капитана Солженицына, который был арестован 9 февраля 1945 года - за переписку со школьным другом, в которой критиковал вождя. А дело писателя Солженицына - 106 томов документов - уничтожены. Как? Почему? За отсутствием исторического интереса, говорят. Хочешь верь, хочешь не верь этому объяснению.